

Примечания

¹ *Толеубаев А. Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1991; *Басилов В. Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992; *Мустафина Р. М.* Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX — XX в.). Алма-Ата, 1992; *Булатов А. О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала, 1990; *Гаджиев Г. А.* Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991; *Джуртубаев М. Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991; *Каракетов М. Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995.

² *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. С. 62.

³ *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 318—319.

⁴ *Сухарева О. А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. С. 31.

⁵ *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 108—109.

⁶ *Керимов Г. М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 48—57.

⁷ *Лэйн Э. У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982. С. 404.

⁸ См., например, *Чибиров Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 173.

А. А. Ярлыкапов

© 1996 г., ЭО, № 6

В. И. Бушкова. Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995. 369 с., карты.

В настоящее время многие регионы СНГ, населенные народами, традиционно исповедующими ислам, охвачены внутриэтническими и межэтническими конфликтами. Одна из причин этого явления в том, что население мусульманских областей бывшего СССР, вопреки утверждениям официальной пропаганды, так и не сложилось в так называемые социалистические нации. Оно сохранило традиционное деление на локальные, а то и родоплеменные группы. По этой причине изучение истории формирования населения мусульманских регионов СНГ, а также современной картины взаимоотношений между различными группами, которые его составляют, является одной из важнейших задач отечественной этнографической науки.

Одним из новых государств СНГ, где уже на протяжении многих лет не затухает огонь конфликта, в котором сплелись наряду со многими другими факторами внутриэтнические и межэтнические противоречия, является Таджикистан. И действительно, средства массовой информации постоянно приносят сообщения о противостоянии ленинабадских и кулябских кланов, о конфликтах между каратегинцами, с одной стороны, и гиссарцами и кулябцами — с другой, о том, что весьма велика в этой междоусобице роль местных, таджикстанских узбеков, которые порой находят большую поддержку со стороны своих собратьев из Узбекистана. Иногда в переплетениях этих событий трудно разобраться не только «простому» читателю, телезрителю или радиослушателю, хотя бы и имеющему гуманитарное образование, но даже и этнографу, профессионально не занимающемуся изучением проблем Таджикистана.

Порой публицисты, а то и исследователи пишут о ленинабадцах, гиссарцах, кулябцах, каратегинцах как о некоторых монолитных общностях внутри таджикского народа, не осознавая их значительной традиционной дробности. И хотя Северный Таджикистан, объект изучения В. И. Бушкова, и выглядит пока что достаточно спокойным, умиротворенным в отличие от Южного Таджикистана, чему имеется ряд причин, коренящихся как в весьма отдаленном, так и в относительно недавнем, предреволюционном и советском прошлом, но и здесь, к сожалению, есть предпосылки для локальных конфликтов из-за мозаичного характера исконного населения.

Вот почему книга В. И. Бушкова имеет не только собственно академическое, но и большое общественно-политическое значение. Если бы руководители и России, и среднеазиатских государств СНГ в соответствии с давнейшей традицией государственного управления на Востоке следовали бы советам мудрецов, каковыми в наше время являются ученые-специалисты, то многих кровавых конфликтов удалось бы избежать, равным образом как и не пришлось бы прибегать к неэффективным и унижительным способам решения некоторых политических проблем. Однако благое пожелание это, по всей видимости, так и останется несбыточной мечтой. Вернемся же к анализу книги российской этнографы.

Исследование В. И. Бушкова охватывает период от эпохи бронзы до наших дней. Даже при беглом взгляде на оглавление понимаешь, что автор старался затронуть все основные проблемы, связанные с этнической историей изучаемого региона.

Самостоятельный интерес для читателя представляет введение, где детальнейшим и скрупулезнейшим образом описываются и анализируются используемые в работе источники, а также четко оговариваются используемые понятия, географические и иные рамки исследования, а также

особенности методических приемов. Это позволяет читателю подготовиться к восприятию предлагаемого материала, существенно облегчает его понимание.

Во второй главе излагается этническая история региона с эпохи бронзы (Саразм и Кайраккумы) до монгольского нашествия. Этот раздел носит обзорный характер, однако налицо стремление автора затронуть главные, узловые проблемы этого периода. Среди них можно отметить следующие: влияние на сложение местного населения пришельцев с юга (саразмская культура); локализация селений периода походов Александра Македонского; роль и место в сложении населения носителей курганной и курумной культур в конце I тыс. до н.э. — первых веках н.э.; проблема образования Уструшаны как независимого политического образования и некоторые другие. Хотя несомненно, что некоторые из затронутых вопросов остаются дискуссионными, их значение зачастую выходит далеко за рамки изучаемой территории.

В третьей главе автор исследует проблему сложения населения в период от монгольского нашествия до включения края в состав Российской империи (1866—1876 гг.). Глава построена на четко выраженном постулате, суть которого — существенное обезлюдение территории в результате монгольского нашествия, появление новых, уже хорошо известных нам этнических компонентов, что в свою очередь стало основой для крупных подвижек населения в последующие столетия и существенной перекройки традиционной системы расселения. Эти положения удачно вписываются в уже известную из работ других исследователей концепцию о крупных перемещениях населения и роста его численности в конце XVIII — первой половины XIX столетий в Среднеазиатском регионе и существенно детализируют и конкретизируют этот процесс.

Четвертая глава, в которой анализируются поселенческие и демографические процессы с конца 1860-х годов по настоящее время, несомненно, основная и самая важная часть исследования. Автор детальнейшим образом изучает естественное и механическое движение населения не только по Ленинадской обл. в целом, но и по отдельным ее частям. Фундаментальным выводом этой главы стал доказанный автором начавшийся после присоединения края к России демографический взрыв. Добавлю, что эта проблема, долгое время замалчиваемая руководством среднеазиатских республик, как оказалось, непосредственным образом влияет на жизнь местного общества. Различные ее аспекты, включая и социальные последствия, детально разработаны автором в ряде специальных работ, и ее значение уже признано многими исследователями не только в Таджикистане.

Работа В. И. Бушкова снабжена рядом статистических таблиц, графиков и отлично выполненных карт (что сейчас большая редкость). Этими материалами не только наглядно иллюстрируют исследование, но и могут служить самостоятельной базой для дальнейшего изучения населения региона. Книга снабжена также обширным научно-справочным аппаратом, в том числе и рядом указателей, позволяющих читателю легко ориентироваться в материале.

Книга возникла в русле российской традиции изучения формирования населения в различных регионах Средней Азии. В этом предшественниками В. И. Бушкова были и остаются такие отечественные исследователи, как О. А. Сухарева, посвятившая значительную часть своих работ изучению состава населения Бухары и других городов Средней Азии, равным образом как и отдельных сельских местностей, М. С. Андреев и Н. А. Кисляков, которые заложили основы современного отечественного таджиковедения, а в особенности — Б. Х. Кармышева, написавшая поистине ставшую классической монографию о формировании и составе коренного населения южных районов современных Таджикистана и Узбекистана.

Академик В. М. Жирмундский говорил в свое время, что концепции приходят и уходят, а факты, добытые с их помощью, остаются. Этот афоризм больше, чем что-либо иное, характеризует труды российских специалистов по Средней Азии, которые создавали работы, в хорошем смысле этого слова, объективистские, фактографические, ценность которых не снижается в зависимости от исторически меняющихся идеологических рамок. Эта замечательная особенность сохранена и в книге В. И. Бушкова. Тем не менее и само исследование, и автор — явления нового поколения. Поэтому труд В. И. Бушкова в известной мере — следующая ступень в исследовании коренных среднеазиатских народов, ибо в значительной степени опирается на архивные материалы. Предшественники автора рецензируемой книги с архивными материалами работали значительно меньше. Исключение, пожалуй, составляет Л. Ф. Моногарова, которая, изучая современную городскую и сельскую семью таджиков и памирских народов, широко привлекала сведения, полученные в результате анализа данных архивов, загос.

Другая особенность, которая отличает книгу В. И. Бушкова от работ его предшественников, состоит в том, что, пожалуй, впервые в отечественной науке автор прослеживает историю населения нынешнего Северного Таджикистана с древнейших времен до наших дней, привлекая для этого как археологический материал, так и исторические исследования. В этом плане его работа сопоставима с трудами С. П. Толстова.

Необходимо обратить внимание читателей на то, что в соответствии с традициями отечественной науки автор опирается на поистине колоссальные полевые материалы, собранные им в течение ряда лет в изучаемом регионе. Достаточно сказать, что В. И. Бушков посетил около 85% кишлаков нынешней Ленинадской обл. И хотя исследования предшественников нашего автора тоже, безусловно, всегда опирались прежде всего на полевые материалы, без которых они в принципе не получились бы, такой пласт систематически собранных полевых данных, пожалуй, впервые вводится в научный оборот.

Книге В. И. Бушкова, наряду с неоспоримыми достоинствами, как и всякому серьезному явлению научной жизни, присущи и некоторые недостатки. Так, характеризую коренное население Северного Таджикистана, исследователь сосредотачивается в основном на его генезисе, а также уделяет много внимания его динамике и миграциям. В то же время он почти ничего не говорит о его семейно-родственной структуре. Правда, В. И. Бушков посвятил этой проблематике ряд других, самостоятельных работ, которые заставляют по-новому взглянуть на современное состояние семейно-родственных

отношений у таджиков, выявляя их гораздо более архаичный характер, нежели предполагалось прежде. Возможно, что именно по этой причине он вынес данную тему за рамки настоящей книги.

Наряду с этим В. И. Бушков также ничего не пишет о сословном характере населения Северного Таджикистана, тогда как О. А. Сухарева, и Н. А. Кисляков, и Б. Х. Кармышева уделяют этой проблеме в своих исследованиях немало внимания. То же самое касается и работ А. А. Семенова, посвященных системе государственного управления Бухарского эмирата. Известно, что традиционная социальная стратификация играет огромную роль в современной общественно-политической жизни Таджикистана, о чем В. И. Бушкову также доводилось неоднократно писать в прочих своих работах, в том числе и опубликованных совместно с автором этих строк. Это же касается и такого важнейшего явления современной общественной жизни таджиков, как традиционные мужские собрания (*гаштаки*).

Однако, как говорится, нельзя объять необъятного. Поэтому книгу В. И. Бушкова следует оценить высочайшим образом не за то, чего в ней нет, а за высокие научные достижения автора.

Д. В. Миккульский

© 1996 г., ЭО, № 6

Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии. Сб. МАЭ. Т. 46. СПб., 1995. 237 с.

Выход в свет рецензируемого Сборника МАЭ, посвященного описанию различных коллекций по народам материковой и островной частей Юго-Восточной Азии и некоторых районов Океании (в частности, Новых Гебрид, Полинезии, о. Пасхи и др.), хранящихся в Музее антропологии и этнографии РАН, — явление отрадное. Дело в том, что с момента публикации предыдущих Сборников МАЭ, посвященных традиционной культуре народов этих регионов, прошло достаточно много времени. Конечно, за этот период было опубликовано несколько монографий, в которых авторы так или иначе использовали соответствующие экспонаты из фондов Музея¹, однако комплексных публикаций, подобных вышеупомянутым сборникам, не было.

Сборник открывается кратким предисловием, затем следует большая статья Е. В. Ивановой и А. М. Решетова «Формирование и исследование фондов МАЭ по Юго-Восточной Азии», в котором наряду с изложением истории складывания коллекций МАЭ по народам, обозначенного в заглавии региона, приводятся подробные данные о жизни и деятельности сотрудников музея, работавших над описанием коллекций. Среди них есть и такие, сравнительно недавно ушедшие из жизни, которые не были удостоены некрологов (в частности, Л. Э. Каруновская, И. М. Лекомцев, В. Г. Трисман и др.).

К этой статье примыкает публикация А. М. Решетова о многолетнем сотруднике Института этнографии АН СССР, кандидате исторических наук Анатолии Ивановиче Мухлинове (1928—1989), выпускнике Восточного факультета ЛГУ, китаисте по образованию, ставшем первым отечественным профессиональным специалистом по этнографии Вьетнама².

Статья А. Ю. Синицына посвящена описанию довольно крупной коллекции (132 предмета) бирманских вещей, хранящихся в МАЭ. Основная часть этого собрания поступила в музей уже в последнем десятилетии (до 1953 г. здесь были только два бирманских предмета; модель телеги и модель корабля). Автор статьи делит всю коллекцию на несколько тематических разделов: одежда (включая обувь и головные уборы); произведения ремесел, в том числе художественных; музыкальные инструменты; неолитические орудия; культовые тексты; печатная продукция.

Е. В. Иванова в статье «Тайский театр масок *кхон*» излагает историю сложения и функционирования в Таиланде этого вида традиционного театрального искусства тай, насчитывающего несколько столетий, а затем дает подробное описание (с фотографиями) восьми масок театральных персонажей, хранящихся в МАЭ. Интересно, что это подлинные маски, употреблявшиеся тайскими (сиамскими) актерами королевского балета во время их гастролей в С.-Петербурге в 1900 г. и переданные затем Дирекции Императорских театров, откуда они перешли в Ленинградский театральный музей, а оттуда (в 1957 г.) — в МАЭ.

Е. С. Соболева дает сводное описание этнографических коллекций с о. Тимор, хранящихся в МАЭ (кол. № 602, 144 предм.; № 1798, 10 предм.; № 2905-5, 1 предм.) и в Музее антропологии им. Д. Н. Анучина при МГУ (кол. № 266, 108 предм.).

Е. В. Ревуенкова, продолжая описание различных предметов из батакской этнографической коллекции МАЭ (список других ее публикаций см. в настоящем сборнике, с. 224), представляет собрание батакских тканей, насчитывающее почти 20 образцов.

Известная отечественная исследовательница кукольного театра народов различных стран Азии И. Н. Соломонок³ в данном сборнике публикует статью о традиционном индонезийском театре объемных кукол *вайнг голек*. Своё описание автор строит на коллекциях кукол из фондов МАЭ и Государственного Академического центрального театра кукол (г. Москва), а также используя иллюстрации в публикациях западных ученых.

Несколько статей посвящены этнографическим коллекциям по народам Океании. В работе Н. А. Бутинова говорится об альбоме рисунков, на которых изображены различные бытовые предметы

¹ Сб. МАЭ. Т. 39. «Культура народов Индонезии и Океании». СПб., 1984; Т. 41. «Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ». СПб., 1987.